

Глава 3. Решение

Слуга семьи Лю вернулся с улицы с купленными мясом и овощами, но Сюй Аня больше не застал. На вопрос, будет ли тот сегодня обедать вместе с хозяевами, домашние только тогда узнали, что Сюй Ань приходил.

Лю Далан и лекарь Лю Жу переглянулись. Лица у обоих были мрачными.

— Отец, похоже, Сюй Ань услышал то, чего слышать не должен был. Что же теперь делать?

Лекарь Лю Жу, заложив руки за спину, дважды прошёлся по комнате. Сам он тоже был крайне раздражён. Он с ног до головы отчитал слугу, но это уже ничего не могло изменить.

После нескольких колебаний он сказал:

— Не стоит торопиться. После обеда, ближе к вечеру, схожу в лечебницу и посмотрю.

Тем временем Сюй Ань уже вернулся в лечебницу.

Ван Жэньдун, которого в последнее время редко можно было увидеть в лавке, сегодня неожиданно пришёл. Он стоял у прилавка и перебирал лекарственные травы.

Видимо, дело с Аньцзифан уже решилось, и он буквально сиял от радости. Время от времени с его губ срывались обрывки какой-то незатейливой мелодии.

— Шисюн так быстро вернулся.

Ху Шунь вышел из задней комнаты с большим плоским плетёным лотком, на котором сушились обжаренные лекарственные травы. Увидев Сюй Аня, он окликнул его.

Только тогда Ван Жэньдун заметил человека у двери. На мгновение он застыл, затем бросил лекарственные травы и поспешил навстречу. Забрав у Сюй Аня зонт, он тут же достал из рукава платок и принялся вытирать капли дождя с его лица:

— В такую холодную погоду ещё и дождь идёт. Шисюн, зачем ты опять пошёл помогать лекарю Линю? Ты у нас меньше всех боишься тягот и усталости, да ещё и такой добрый, праведный человек, но всё-таки должен больше беречь себя. Я сейчас поставлю печь и приготовлю чашу имбирного отвара, чтобы согреться. Погода меняется, и легко простудиться, если не быть осторожным.

Глядя на ласкового и предупредительного Ван Жэньдуна, Сюй Ань испытывал смешанные чувства.

— Не стоит утруждаться.

— Что тут утруждаться? Сегодня дождливо и холодно, в лечебнице всё равно почти нет дел. А у меня как раз свободны руки.

Увидев его таким, Сюй Ань не захотел больше ничего говорить и позволил ему заниматься своими делами.

Ху Шунь, глядя, как Ван Жэньдун скрылся в комнате, где готовили лекарства, про себя

хмыкнул.

Только пришёл — и принялся перебирать уже разобранные шисюном травы, выбирая работу полегче. А вот угождать шисюну старался усерднее всех.

— Шунь-цзы*, прошлой ночью я лёг поздно, сейчас немного устал и хочу пойти прилечь. Если не будешь успевать, позови меня.

[*] (-цзы) — уважительный суффикс, добавляемый после имени или обращения; может выражать почтительность, уважение или дружескую фамильярность в зависимости от контекста.]

Услышав слова Сюй Аня, Ху Шунь тут же пришёл в себя и ответил:

— Да, шисюн, иди. Сегодня всё равно не заняты.

Сюй Ань кивнул и большими шагами направился в западную комнату.

Ху Шунь видел, что выражение лица Сюй Аня ничем не отличается от обычного, и не заметил ничего подозрительного. И всё же ему было странно: с каких это пор шисюн сам говорил, что хочет отдохнуть?

Но человек всё-таки не железный, каждому порой нужны отдых и передышка. Ху Шунь был рад, что шисюн наконец научился заботиться о себе, но одновременно тревожился: вдруг тот слишком утомился и именно поэтому вдруг изменил своим привычкам?

Не в силах избавиться от беспокойства, Ху Шунь отложил лоток и хотел было пойти сказать Ван Жэньдуну, чтобы тот добавил в имбирный отвар для шисюна немного трав, успокаивающих дух и поддерживающих силы.

Дойдя до двери, он остановился.

Огонь в маленькой печи пылал ярко. Сидевший на низкой табуретке Ван Жэньдун рассеянно смотрел перед собой. Скомкав платок в руке, он вдруг бросил его прямо в огонь.

Вернувшись в комнату, Сюй Ань вовсе не лёг отдыхать. Вместо этого он достал накопившиеся истории болезни и принялся приводить их в порядок. В его сердце смешались обида и сожаление, а также ещё более глубокое понимание людских сердец. Можно сказать, он был совершенно разочарован и потому хотел уйти как можно скорее.

Закончив с историями болезни, он принялся собирать свои вещи.

Он думал, что после более чем десяти лет, проведённых в этой комнате, сборы наверняка окажутся хлопотными. Но не прошло и двух часов, как всё, что можно было взять с собой, уже оказалось уложено в сундуки.

Сюй Ань оглядел опустевшую комнату, затем посмотрел на сундуки.

Когда он приехал сюда, с собой у него был всего один камфорный сундук. Прошло больше десяти лет — и теперь, уходя, он уносил всего два сундука с вещами. Причём большую их часть составляли медицинские книги, которые он все эти годы собирал, переписывая повсюду, и собственные записи о врачебной практике.

Вещей у него было немного. Во-первых, он не любил тратить деньги на одежду, еду и прочие материальные блага. Круглый год обходился двумя комплектами одежды, да и во все времена года предпочитал простоту.

Во-вторых, денег у него действительно было немного.

Собирая вещи сегодня, он пересчитал свои сбережения. Немного мелкого серебра, горсть медяков — и, если честно, оставалось только посмеяться. Он, человек с ремеслом в руках, уже достиг двадцатилетнего возраста, а если собрать всё до последней монетки, у него было всего десять гуаней*.

[*Гуань (兩, guàn) – связка медных монет, которая использовалась в качестве стандартной денежной единицы, номиналом 1000 вэней (медных монет), что эквивалентно 1 лян серебра.]

Когда в детстве он только пришёл учиться у учителя, семье ещё приходилось платить за обучение, а расходы на проживание и еду каждый месяц брали на себя родные. Когда ему исполнилось двенадцать-тринадцать лет и он уже освоил основы врачевания и фармакологии, научился стоять за прилавком и отпускать людям лекарства по рецептам, тогда он наконец начал получать по двести вэней в месяц в качестве платы ученику.

Позже, с возрастом, плата постепенно росла и в конце концов достигла пятисот вэней в месяц.

Дни, когда он получал по двести монет в двенадцать-тринадцать лет, теперь вспоминались как тяжёлое время. К тому моменту он уже лишился обоих родителей, и больше некому было содержать его. Его платы едва хватало на месячную еду и самые необходимые расходы. Зима в префектурном городе была долгой и холодной, без угля приходилось совсем туго. Он часто мёрз и голодал.

В те времена Линь Цзочжи часто приносил ему уголь и мясо, помогая сводить концы с концами. Благодаря этому Сюй Ань и смог пережить тот период.

Позже его врачебное искусство стало достаточно хорошим, и плата постепенно выросла до пятисот медных монет. Когда он отправлялся вместе с учителем на вызовы, порой семья больного оставляла их обедать и дарила подарки. Еда считалась частью платы, а подарки — деньги или вещи — если их вручали непосредственно ему, он мог оставить себе. Если же всё отдавали учителю, то, разумеется, об этом и говорить нечего.

Так, благодаря привычке жить экономно, если за месяц не случалось непредвиденных расходов, ему удавалось откладывать по сто-двести монет.

Кроме того, он часто ходил помогать в Аньцзифан. Если только речь не шла о частных поручениях Линь Цзочжи, там ему платили за работу ежедневно — целых восемьдесят медных монет в день.

Пусть это и было меньше, чем дневная плата за разные ремесленные работы снаружи, для Сюй Аня сумма всё равно была немаленькой.

Если бы не эти дополнительные заработки, не говоря уже о десяти гуанях, ему было бы трудно накопить даже на дорогу домой.

Помимо этих скромных сбережений, у Сюй Аня хранился ещё кусочек серо-белого нефрита, круглый, как солнце. Качество нефрита было посредственным, и стоил он немного.

Но этот нефрит когда-то оставила ему мать. Сюй Ань всегда бережно его хранил и даже в самые трудные времена ни разу не подумал продать.

Сюй Ань с бесконечной горечью на сердце закрыл камфорный сундук.

Только закончив с приготовлениями, он собирался отправиться к учителю в дом Лю. Правы они или нет, как бы ни сложились обстоятельства, после стольких лет отношений учителя и ученика он всё равно должен был лично прийти и попрощаться.

Лекарь Лю Жу действительно строил планы против него, и искренней привязанности в этих отношениях было немного — это было правдой. Но правдой было и то, что именно он обучил Сюй Аня врачебному искусству и дал лишившемуся родителей мальчику место, где можно было укрыться.

Кто бы мог подумать, что Сюй Ань едва успел открыть дверь, как лекарь Лю Жу сам пришёл его искать.

Прошли всего одни сутки, но, когда учитель и ученик вновь встретились, всё вокруг уже стало другим.

— Что ты делаешь?

Пообедав дома, лекарь Лю Жу немного привёл мысли в порядок.

Он вспомнил, насколько усердно и добросовестно Сюй Ань все эти годы работал. Хотя в глубине души вовсе не считал себя виноватым, всё же, помня прошлое и учитывая, сколько сейчас хлопот у семьи Лю, он решил прийти, сказать ученику несколько мягких слов и успокоить его.

Но прежде чем он успел заговорить мягче, перед глазами оказались собранные сундуки Сюй Аня и совершенно опустевшая комната. Он тут же вспыхнул.

Раз уж учитель спросил, Сюй Ань не стал ничего скрывать:

— Я столько лет прожил вдали от родных мест и хочу вернуться домой.

Лекарь Лю Жу посмотрел на Сюй Аня. Сам он за обедом почти не притронулся к еде: мысли не давали покоя, и он сразу после трапезы поспешил сюда, намереваясь утешить ученика. Но никак не ожидал, что Сюй Ань уже решил, куда отправится.

Он страшно разозлился и не стал подбирать слова:

— Люди говорят, что ученики — неблагодарные белоглазые волки. Только получил удостоверение лекаря — и уже так не терпится бросить меня и уйти.

Услышав «белоглазый волк», Сюй Ань почувствовал горечь. Впервые он поднял голову и заговорил с учителем прямо.

Он посмотрел лекарю Лю Жу прямо в глаза:

— Все эти годы я уважал вас, почитал вас и всем сердцем трудился ради лечебницы Хуайжэнь. Я считаю, что перед своей совестью мне не в чем себя упрекнуть. Если же в глазах учителя я всё равно всего лишь неблагодарный белоглазый волк, простите, но моих способностей недостаточно, чтобы сделать больше.

Лекарь Лю Жу держал руки за спиной. Внезапно столкнувшись со взглядом Сюй Аня, он, вероятно, слишком привык за эти годы к тому, что люди разговаривали с ним, почтительно склонив голову, и теперь даже не решался встретиться с его глазами.

Он невольно повысил голос, пытаясь подавить Сюй Аня, и холодно произнёс:

— Говоришь так уверенно, будто сам воплощение правоты. Сюй Ань, я тебя спрашиваю: осмелишься сказать, что все эти годы ты трудился и был почтителен, совершенно ничего не желая взамен?

— Да, как же я могу сказать, что ничего не хотел?

У Сюй Аня пересохло во рту, а в носу защипало.

— Но я был слишком глуп. Не думал о деньгах, не стремился к выгоде. Я лишь хотел того, чего не увидишь и не потрогаешь, — искренности и настоящей привязанности.

Глядя в ясные глаза Сюй Аня, лекарь Лю Жу открыл рот, но на мгновение лишился дара речи.

Возможно, в глубине души его что-то и тронуло. Но у человека, десятилетиями бывшим наставником и старшим, его гордость и самоуважение были высоки, как гора. Как мог он признать свою ошибку и смягчиться перед младшим — тем более перед учеником, который всегда был послушен и почтителен?

Однако, увидев, насколько твёрдо Сюй Ань решил уйти, он всё же немного смягчил тон:

— В твоих родных краях всё равно не осталось родственников. Это захолустное место, туда ещё добираться в такую стужу — какой смысл?

— На этот раз отправить Жэньдуна в Аньцзифан действительно было правильнее. Если ты хочешь развиваться в подобных местах, в будущем у тебя ещё будет немало возможностей.

Сюй Ань невольно усмехнулся. Дошло до такого, а учитель всё ещё считал, что он сердится лишь из-за места в Аньцзифан.

Он не собирался больше ничего доказывать и, сложив руки перед собой, глубоко поклонился лекарю Лю Жу:

— Я всё решил. Пусть у меня больше нет родных, родной край всё равно останется родным краем.

Лекарь Лю Жу увидел, что Сюй Ань не понимает намёка и всё ещё собирается уходить, и пришёл в ярость:

— Лечебница Хуайжэнь и без одного Сюй Аня прекрасно продолжит работать. Желающих прийти сюда хватает! Хочешь уйти — уходи!

Сюй Ань сдержал дыхание:

— Спасибо, учитель.

Лекарь Лю Жу ошеломлённо посмотрел на него. От этого у него ещё сильнее перехватило грудь от злости. Он резко бросил:

— Ты думаешь, дорога впереди будет гладкой? Все эти годы ты жил под защитой семьи Лю и принимал спокойную жизнь за нечто само собой разумеющееся. Теперь, едва обзавёлся кое-какими способностями, уже решил расправить крылья и взлететь.

— Вот разобьёшься когда-нибудь до крови, Сюй Ань, тогда не жалея о сегодняшнем решении!

С этими словами лекарь Лю Жу сердито взмахнул рукавами и ушёл.

Сюй Ань проводил его взглядом за ворота. Обида, горечь и разочарование в душе — всё это в конце концов обернулось невиданным прежде спокойствием.

Он посмотрел на небесный свет. Пусть всё небо было затянуто туманом и дождём ранней зимы, вдали всё же виднелась полоска света за облаками.

Сюй Ань был мягким человеком, но отнюдь не нерешительным. Раз уж он принял решение, тянуть не собирался.

Он нашёл повозку, передал Ван Жэньдуну и Ху Шуню всё, что требовало передачи, а на следующий день, когда ещё не рассвело, собрал вещи и отправился в путь, не позволив никому себя провожать.

Чтобы не усиливать печаль расставания, он не сказал Ху Шуню и Ван Жэньдуну, что больше не вернётся в лечебницу. Лишь сказал, что собирается ненадолго съездить домой, а когда вернётся — пока неизвестно.

И всё же накануне Ху Шунь сбегал домой и принёс ему немного маринованных овощей и фруктов, чтобы было чем перекусить в дороге. Ван Жэньдун же дважды спрашивал, почему он вдруг так спешно собрался домой. Сюй Ань подробно отвечать ему не стал.

Тем вечером Линь Цзочжи пришёл побыть с ним. Они долго сидели вместе, и лишь когда стало совсем поздно, Линь Цзочжи неохотно ушёл.

Сюй Ань хотел оставить что-нибудь Линь Цзочжи и Ху Шуню. Но, если уж говорить откровенно, денег у него было мало, и подарить что-то хорошее он не мог. Поэтому он оставил у Линь Цзочжи две собственноручно составленные медицинские тетради: одну для него, а вторую попросил после своего ухода передать Ху Шуню.

В холодном тумане и под ледяным дождём Сюй Ань прижал к себе узел с вещами, но всё же поднял полог повозки навстречу холодному ветру и дождю. Он внимательно всматривался в улицы префектурного города в предрассветный час, когда ночь ещё не отступила, но день уже близился.

Лечебница Хуайжэнь становилась в его глазах всё меньше и меньше, пока наконец совсем не исчезла из виду.

На душе у него было пусто. Лечебница, занимавшая его сердце более десяти лет, теперь осталась позади. Он не знал, найдётся ли в оставшейся ему жизни кто-нибудь или что-нибудь, что сможет вновь заполнить сердце, из которого словно вырвали кусок плоти...
